

Жена — эпизод 16 из 19

С тех пор, как умерла жена и сына на войне убили, я запер парадные. Да... вот...

Он отпер одну дверь, и я увидел большую комнату с четырьмя колоннами, старый фортепьяно и кучу гороху на полу; пахло холодом и запахом сырья. А в другой комнате садовые скамейки... бормотал Иван Иванович. Некому уж мазурку танцевать... Запер.

Послышался шум. Это приехал доктор Соболев. Пока он с холоду потирал руки и приводил в порядок свою мокрую бороду, я успел заметить, что, во-первых, ему жилось очень скучно и потому приятно было видеть Ивана Ивановича и меня, и, во-вторых, это был простоватый и наивный человек. Он смотрел на меня так, как будто я был очень рад его видеть и очень интересуюсь им. Две ночи не спал! говорил он, наивно глядя на меня и причесываясь. Одну ночь с роженицей, а другую, всю напролет, клопы кусали, у мужика ночевал. Спать хочу, понимаете ли, как сатана.

С таким выражением, как будто это не может доставить мне ничего, кроме удовольствия, он взял меня под руку и повел в столовую. Его наивные глаза, помятый сюртук, дешевый галстук и запах йодоформа произвели на меня неприятное впечатление; я почувствовал себя в дурном обществе. Когда сели за стол, он налил мне водки, и я, беспомощно улыбаясь, выпил; он положил мне в тарелку кусок ветчины и я покорно съел.

Repetitio est mater studiorum¹, сказал Соболев, торопясь выпить другую рюмку. Верите ли, от радости, что хороших людей увидел, даже сон прошел. Я мужик, одичал в глуши, огрубел, но я всё-таки еще, господа, интеллигентный человек и искренно говорю вам: тяжело без людей!

Подали на холодное белого поросенка с хреном и со сметаной, потом жирные, очень горячие щи со свининой и гречневую кашу, от которой столбом валил пар. Доктор продолжал говорить, и скоро я убедился, что это был слабый, внешне беспорядочный и несчастный человек. От трех рюмок он опьянел, неестественно оживился, ел очень много, побрякивая и причмокивая, и меня уже величал по-италиански: экшеленца. Наивно глядя на меня, как будто уверенный, что я очень рад видеть его и слушать, он сообщил мне, что со своею женой он давно уже разошелся и отдает ей три четверти своего жалованья; что живет она в городе с его детьми мальчиком и девочкой, которых он обожает, что любит он другую, вдову-помещицу, интеллигентную женщину, но бывает у нее редко, так как бывает занят своим делом с утра до ночи и совсем не имеет свободного времени.

Целый день то в больнице, то в разъездах, рассказывал он, и, клянусь вам, экчеленца, не только что к любимой женщине съездить, но даже книжку прочесть некогда. Десять лет ничего не читал! Десять лет, экчеленца! Что же касается материальной стороны, то вот извольте спросить у Ивана Ивановича: табаку купить иной раз не на что.

Зато у вас нравственное удовлетворение, сказал я.

Чего-с? спросил он и прищурил один глаз. Нет, давайте уж лучше выпьем.

Я слушал доктора и по своей всегдашней привычке подводил к нему свои обычные мерки материалист, идеалист, рубль, стадные инстинкты и т.п., но ни одна мерка не подходила даже приблизительно; и странное дело, пока я только слушал и глядел на него, то он, как человек, был для меня совершенно ясен, но как только я начинал подводить к нему свои мерки, то при всей своей откровенности и простоте он становился необыкновенно сложной, запутанной и непонятной натурой. Может ли этот человек, спрашивал я себя, растратить чужие деньги, злоупотребить доверием, иметь склонность к даровым хлебам? И теперь этот, когда-то серьезный, значительный вопрос казался мне наивным, мелочным и грубым.

Подали пирог, потом, помню, с длинными промежутками, в продолжение которых мы пили наливку, подавали соус из голубей, что-то из потрохов, жареного поросенка, утку, куропаток, цветную капусту, вареники, творог с молоком, кисель и, под конец, блинчики с вареньем. Сначала, особенно щи и кашу, я ел с большим аппетитом, но потом жевал и глотал машинально, беспомощно улыбаясь и не ощущая никакого вкуса. От горячих щей и от жары, какая была в комнате, у меня сильно горело лицо. Иван Иванович и Соболев тоже были красны.

За здоровье вашей супруги, сказал Соболев. Она меня любит. Скажите ей, что кланялся ей лейб-медик.

Счастливая, ей-богу! вздохнул Иван Иванович.